

Иккинг фыркнул: — Нет, не хотят. Я точно знаю, что на прошлой неделе Кестрел стоял на вершине холма и орал во всю глотку, что он — Таггори, король Дикого Запада и лучший из всех драконьих наездников.— Да, — язвительно бросил Таггори, — пока все остальные дети не начали швырять в него драконьим навозом за эти слова.— Это, — сказал Иккинг, повернувшись к Таггори и наградив его язвительной ухмылкой, — касалось только верховой езды на драконе. Все знают, что в этом я лучший.— О, смотри, — отпарировал Таггори, — кажется, у тебя голова распухла. Ударился об потолок, Ива?Фыркнув, Иккинг вернулся к своей наковальне, колотя по металлу и позволяя Тоггори наслаждаться иллюзией последнего слова. Правда заключалась в том, что Иккинг не привык к насмешкам по поводу своего роста. Скрывая улыбку, он сделал несколько размеренных ударов, после чего улыбка превратилась в нечто совершенно иное, а удовлетворение разлилось по позвоночнику, когда он опустил в ведро тонкий металлический стержень, за которым быстро последовали плоские металлические кольца.— Что это? — с любопытством спросил Таггори. — Делаешь подарок и для Хизер?— Это причина, по которой ты попросил меня сделать твой топор, а не подмастерье старого кузнеца. И топор для Вереска я тоже делаю, или ты забыл? Они идут парами, — насмеялся Иккинг. — И вообще, с этого момента ты будешь приходить парами.Иккинг имитировал движение кнута, затем пригнулся, когда Головорез выстрелил в него ведром. Беззубик одним коротким взрывом вышиб его из открытого окна кузницы, а затем посмотрел на Тоггори, как на ребенка, отчего Иккинг разразился громким смехом.— Ладно, ладно, я понимаю, когда меня не хотят! — насмешливо сказал наследник клана.Беззубик зарычал вслед за ним, явно называя его блефом, и Иккинг только еще больше рассмеялся, взяв следующую часть топора, уже отмеренную и готовую к плавке и резке. Головка топора в форме будет последней вещью перед сборкой и украшением, и Иккинг уже закончил вырезать форму. Он как раз потянулся за ремешками, когда снова появился Таггори, к большому разочарованию Беззубика.— Знаешь, если бы я не знал лучше, я бы подумал, что ты либо скучаешь по мне, либо тебе очень нравится, когда Беззубик гоняется за тобой по острову.— Это хорошее упражнение! — Беззубик поднялся на ноги, отчего Таггори неловко захихикал и поднял руки в знак сдачи, — но не сейчас. Слушай, я пришел спросить, будешь ли ты там. Знаешь, когда я получу... — Таггори повторил движение кнута.Иккинг ухмыльнулся: — Так ты признаешь это!— Не меняй тему, — проницательно сказал Тоггори, и Иккинг нахмурился, решив, что это сойдет ему с рук. — Ты же знаешь, что не могу, Головорез, — проворчал он, больше расстроенный тем, что ему пришлось это признать.Иккинг привык к своему крошечному острову, и хотя за время своих странствий он обзавелся немалым количеством друзей и побывал во многих местах и на многих островах архипелага, ему всегда было приятно возвращаться в тишину по сравнению с суетой и шумом оживленных деревень. Конечно, это было летом; первая зима едва не погубила его, и он хорошо усвоил урок, тщательно выбирая ту или иную деревню на архипелаге, чтобы провести там более суровые месяцы своего пребывания. Таким образом, он следил за тем, чтобы никогда не превышать гостеприимства хозяина, и сумел заработать достаточно репутации независимого воина и кузнеца, чтобы заслужить уважение, которое часто выражалось в талоне на еду. А в некоторых случаях возродил и укрепил старую дружбу.— Ну что ты, брат мой! — стонал Таггори. — Что я буду делать, когда холодный пот прошибет меня, ноги начнут тянуться к порту, а отец уже слишком пьян, чтобы остановить меня, если рядом не будет моего первого мужчины, чтобы оттащить меня за волосы!Иккинг рассмеялся, пыхтя в мехи и опуская металл в угли. — Ты не можешь все еще думать обо всем этом. Прошлое — это прошлое. Зубы Хеля, мы даже просили тебя стать Мясоедом, а ты не захотел!Улыбка, которой одарил его Иккинг, заставила Таггори разочарованно хмыкнуть. Они обсуждали это уже несчетное количество раз. Сложив руки и прислонившись к дверному косяку, Таггори продолжил уже гораздо спокойнее.— Ты больше не Иккинг Нежеланный, знаешь ли.Изо всех сил стараясь не напрягаться, кузнец вынул металл из жара, когда он засветился оранжево-красным светом, и отнес его к наковальне. — Головорез, я просто не могу рисковать.КЛАНГ.— Кто-то может узнать меня, и я не знаю, что он сделает.КЛАНГ КЛАНК.— Понимаешь, они могут объявить меня вне закона, или даже изгоем,

и я бы... я бы предпочел не узнавать этого. КЛАНГ-КЛАНК КЛАНГ-КЛАНК. ТИНК.— Можешь представить, какую драму это вызовет на твоей свадьбе? Ты хочешь этого для Хизер? Лицо наследника клана Мясоголовых остыло. — Я все еще не думаю, что это справедливо.— Жизнь никогда не бывает справедливой, — тоскливо ответил Иккинг, опуская металл в ведро, где он весело шипел и пузырился. — Ты придешь потом. Ты обещал. В этот момент Иккинг открыто рассмеялся, опираясь на наковальню и заставляя Беззубика косо посмотреть на него. — Головорез, это будет твой медовый месяц...— И перед кем же я буду хвастаться, если тебя здесь не будет? Я ведь заполучил самую красивую девушку на архипелаге! Хамоватая ухмылка Таггори только заставила Иккинга рассмеяться еще сильнее. — Попробуй Догсбрит. И не дай Богам услышать, что ты говоришь, что ОНИ не самые красивые и не самые свирепые — ты начнешь войну.— Хорошо! Но ты придешь! Ты поклялся, что придешь через две недели после свадьбы! — Еще одна ухмылка. — Достаточно времени, чтобы моя новая хозяйка пришла в себя, я думаю?— Или чтобы она привязала тебя к кровати.— Если мне повезет! Смех последовал за Таггори из кузницы. Иккинг сдержал улыбку, пока его друг не скрылся из виду (и чтобы убедиться, что он не вернется, чтобы сделать это в третий раз, что было ему на руку), а затем вздохнул и позволил себе опуститься на пол. Менее чем через луну территория Мясной Головы будет до отказа набита высокопоставленными лицами всего архипелага, некоторых он знал, некоторых нет. Некоторых он знал хорошо, например, Ками и ее мать, вождя Берту из Бога. И, конечно, его собственный отец. Из всех мест, где он побывал, только Туггори и Ками узнали, кем он был до того, как покинул Берк, все эти годы назад — и то потому, что узнали тощего паренька, с которым они иногда играли в детстве в "Штуке". Иккинг подозревал, что у Берты был свой собственный ум, но она держала его при себе, а он был уверен, что вождь Мясоедов понятия не имеет, кто сейчас кует его лошадиные башмаки. Гоббер, глядя на кольца, которые он выковывал для рукоятей церемониальных топоров, усмеялся. Ему всегда казалось, что размышлять о том, что было бы, если бы... да и о пропавших людях, которые, возможно, радовались его уходу, — занятие бесполезное, подобно рисованию на песке во время прилива. Но кузнечное дело, особенно в этом старом, скрипучем ларьке, заставляло его остро ощущать свою тоску по ним, по той жизни, что могла бы быть, если бы он сам был другим, если бы вырос мужчиной, которого любил бы его отец... и, возможно, она. — Интересно, скучает ли по мне хотя бы Плевака? — пробормотал он, и его слова были подхвачены успокаивающим воркованием Беззубика, его чешуйчатого друга. Гоббер наградил его сардонической ухмылкой. — Да, он, наверное, уже скончался, и некому протянуть ему разные руки. Полагаю, необходимость тянуться к собственным рукам отнимает силы, — проговорил он, улыбаясь собственной шутке. Гоббер представил себе разгневанного мастера-кузнеца, его громкие протесты и взгляд, который он получил бы, если бы Гоббер оказался на расстоянии слышимости этой шутки. В его сердце защемило то место, которое никогда не переставало болеть и по которому он никогда не переставал скучать. Гоббер признал это и продолжил работу.